

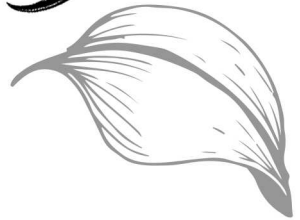

ШУЙ ЖУ ПЯНЬ-ЭР

ЗИМНЯЯ ПЕРОНИЯ

ТОМ III

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Ш95

Published originally under the title of 《鬓边不是海棠红》
(Bin Bian Bu Shi Hai Tang Hong)

Author © 水如天儿 (Shui Ru Tian Er)

Russian Edition rights under license granted
by 水如天儿 (Shui Ru Tian Er)

Russian Edition copyright
© 2024 Eksmo Publishing House arranged through JS Agency Co., Ltd.
All rights reserved

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Phoebe Yu / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с китайского *Е. Фейгиной*

Художественное оформление *Я. Клыга*

Иллюстрации *Katiko*

Шуй Жу Тянь-эр.

Ш95 Зимняя бегония. Том 3 / Шуй Жу Тянь-эр ; [перевод с китайского Е. Фейгиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 576 с.

ISBN 978-5-04-217095-9

Наступил шестой лунный месяц, Шан Сижуй снова ставил свежую пьесу. Но в это же время в труппе «Шуйюнь» начинаются проблемы. Она оказалась на грани банкротства, и ее покинула почти половина актеров, прихватив с собой реквизит. Шан Сижую не хватало денег даже на театральные костюмы, и ему приходилось искать помощи.

Тем временем война дошла до Бэйпина. Город оккупировали японские солдаты. Шан Сижуй и Чэн Фэнтай попадают в трудную ситуацию. Военные оказывают на них давление и требуют сотрудничать.

Перед Шан Сижуюм и Чэн Фэнтаем встает мучительный выбор: бороться за то, что они с таким упорством и трудом создали, или же сдаться и потерять все навсегда.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-217095-9

© Фейгина Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Приближалось время родов Цзэн Айюй, и Чэн Фэнтай привез ее в больницу Сехэ. Цзэн Айюй сидела в приемной, сложив руки на большом животе, и Чэн Фэнтай, дав медсестре указания, уселся напротив нее, чтобы сказать ей напоследок пару слов в ободрение. Он сообщил, как будут выплачены деньги, кто станет за ней присматривать и как она проведет месяц после родов. Цзэн Айюй не отличалась осмотрительностью в общении с людьми: когда Чэн Фэнтай обходился с ней сурово, она сдерживала свой нрав, но стоило ему добавить каплю ласки, мигом начинала важничать. Услышав, с какой обстоятельностью, граничащей едва ли не с надоедливостью, ей излагают тщательно обдуманнные планы, Цзэн Айюй тут же ощутила себя столь почетной и драгоценной персоной, будто в животе у нее был наследник престола. Ножку в простой туфле без каблука из черной кожи с расстегнутым ремешком она закинула Чэн Фэнтаю на колено.

Цзэн Айюй проговорила чарующим голосом:

— Второй господин, дело уж идет к концу, не будете ли вы любезны услужить мне напоследок?

Чэн Фэнтай обомлел. Цзэн Айюй знала, что подобный приказной тон непременно вызовет у него отвращение. С тех пор как они вступили в решающую схватку за ребенка,

каждый обнажил свою истинную натуру: она не притворялась более кокеткой, Чэн Фэнтай же, обманутый на деньги, проиграл ей и теперь вечно сыпал колкостями, оставив доброжелательный тон. Цзэн Айюй не ожидала, что на сей раз он не станет над ней смеяться, а в самом деле застегнет туфлю. Теплые пальцы Чэн Фэнтай коснулись стопы девушки, он низко склонил голову, выражение его лица стало ласковым. Цзэн Айюй захлестнула вдруг волна скорби и обиды.

Застегнув ремешок, Чэн Фэнтай похлопал ее по ноге:

— Сделано.

Проводив Цзэн Айюй, Чэн Фэнтай успел вздремнуть часок после обеда, как зазвонили в дверной звонок — явилась Чэн Мэйсинь. Куда бы она ни шла, всюду брала с собой пять-шесть здоровых вояк в качестве караула, грозного вида и безукоризненной выправки. Не успела она войти в дом, а солдаты уже выстроились на страже у входа. От страха мамушка Чжао начала заикаться, не смея пригласить Чэн Мэйсинь, солдаты оттеснили ее в сторону, и Чэн Мэйсинь направилась напрямик внутрь, крича по дороге:

— Позовите-ка мне Чэн Фэнтай!

Солдат толкнул мамушку Чжао, и та в спешке бросилась наверх звать хозяина.

Только Чэн Фэнтай услышал этот визгливый голосок, как мигом его узнал; набросив халат и позевывая, он спустился навстречу гостье. Он был обижен на Чэн Мэйсинь за ее участие в ссоре со второй госпожой, и прежние радушие и учтивость покинули его, он спросил лениво на шанхайском диалекте:

— Откуда старшая сестрица знает об этом месте?

Чэн Мэйсинь бросила ему обворожительную улыбку.

— А есть что-то, чего я не знаю? — Она огляделась: — Дом весьма неплох, с отдельным входом, вот только маловат, вам с третьей сестрой да ребенком в придачу будет тесновато.

Заспанный Чэн Фэнтай пропустил ее слова мимо ушей, повернувшись к мамушке Чжао, он приказал ей:

— Пойди свари две чашки кофе, а мне еще тост с яйцом поджарь.

Взглянув на его реакцию, Чэн Мэйсинь улыбнулась и проговорила:

— Тебе ни к чему меня винить. У меня ведь только один младший брат, если не я тебе помогу, то кто? Эти страдания единственно ради мира в вашей семье, чуточку терпения, ты еще благодарить меня станешь!

Чэн Фэнтай проговорил с ледяной усмешкой:

— А-а! Так я еще и благодарить тебя должен?

Улыбка сошла с лица Чэн Мэйсинь, она приняла облик, с каким обычно давала наставления.

— У невестки есть деньги и влияние родительской семьи, ты ответь-ка мне, чего ей бояться? А боится она, что семья ее окажется разрушена! Что не будет в доме мужа! Вспомни-ка Шанхай, всякий раз, как ты распутничал на стороне, ничем серьезным это не заканчивалось, она поплачет чуток — и ты мигом домой. Вот со временем невестка и поняла, что ты за человек: язык у тебя хоть и острый, зато сердце мягкое, дороже ее и детей ничего для тебя нет. А раз опасаться ей нечего, почему бы и не сесть тебе на голову?

Скользнув по ней взглядом, Чэн Фэнтай закурил и поддерживать разговор не стал.

— Ясное дело, вы уже десять лет как женаты, и тут тебе в голову взбрело установить свои правила — не поздновато ли? Вот почему следует воспользоваться моментом и разлучиться с ней на время, пусть сполна хлебнет одиночества, почувствует на вкус, каково это — жить без мужа. Тут-то ты и ухватишь ее за слабое место. Неужто она в самом деле решится развестись с тобой? Вот дождись только, как усмиришь невестку, она не то что не посмеет хоть разок усомниться в тебе или обидеть несправедливо — пусть даже

ты и правда начнешь безобразничать на стороне, пожалуй, и тогда она слова поперек не скажет! Побоится прогневить тебя, а вдруг ты вновь развернешься и уйдешь, не посчитавшись ни с чем!

Чэн Фэнтай все глядел на Чэн Мэйсинь, лишившись на какое-то мгновение дара речи. Он знал, что сестра его — человек жестокий и коварный, и все же она всегда относилась ко второй госпоже с такой добротой, они двое казались столь близки, точно никаких секретов друг от друга не имели... Разве мог он предположить, что у любви Чэн Мэйсинь ко второй госпоже есть пределы? Чэн Фэнтай попросту не понимал, следует ли ему растрогаться от подобного расположения старшей сестры или же содрогнуться от ужаса за вторую госпожу. Немного погодя Чэн Мэйсинь потребовала встречи с матерью ребенка, но Чэн Фэнтай наотрез ей отказал. Тогда она заявила, что уже нашла ребенку кормилицу, та как раз проходит медицинский осмотр в больнице, ей дают укрепляющие лекарства, и через день-два кормилицу пришлют к ним в дом. Эта новость пришлась Чэн Фэнтаю по душе, и он весьма учтиво проводил сестру до автомобиля, когда настало время прощаться.

Но разве под силу Чэн Фэнтаю разгадать хитросплетения, что царили в уме Чэн Мэйсинь? Одной ногой ступив за порог малого особняка, другой она вошла в дом второй госпожи. Та и сама не знала, сколько слез пролила за эти дни, и только увидев Чэн Мэйсинь, мигом признала в ней ту, кому можно излить душу. Фань Цзиньлин была еще слишком юна, чего с ней обсуждать — все равно дельного не предложит, да и терять лицо перед Цзян Мэньпин и четвертой наложницей второй госпоже очень не хотелось. Она раскаивалась, что прогнала Чэн Фэнтая, раскаяние охватило ее, прежде чем он ступил за порог, и поделиться душевной болью она могла с одной лишь Чэн Мэйсинь.

Но сегодня, не успела вторая госпожа заговорить, а Чэн Мэйсинь уже бросилась на опережение:

— Невестка, ты и вообразить себе не можешь, что замыслил этот Шан Сижуй! Прогнал прочь мать ребенка, а сам заехал в малый особняк и собрался прибрать младенца к рукам, воспитывать его! Да что выйдет из его воспитания, еще один актеришка или актрисулька?! А второй брат? Ребенок для него так — поиграть, он видит, что Шан Сижуй согласен разделить с ним эту ношу, и сидит радуется, что можно ничего не делать.

Все невысказанные обиды застряли у второй госпожи поперек горла, ее захлестнуло изумление. А Чэн Мэйсинь продолжала:

— На сей раз Фэнтаю и правда приходится несладко! Я только от него, за эти несколько дней под глазами у него черным-черно, подбородок заострился... А ведь сам на себя накликал воздаяние!

Вторая госпожа тотчас бросилась в мельчайших деталях расспрашивать об изгнанном муже, и Чэн Мэйсинь рассказала той все как есть, тут и приукрашивать было нечего, слова ее и без этого потрясли вторую госпожу:

— Мужчины и женщины совершенно разные! Мужчины все делают кое-как, в голове у них царит путаница, о будущем они не думают, разве прожить им без женщин? Прибавь к этому еще и дитя! Он полагается на дружбу с Фэнтаем, одним небесам известно, что он учудит с ребенком!

Вторая госпожа проговорила в нерешительности:

— Быть может, и не так все будет.

Чэн Мэйсинь невольно взвигнула:

— Не так? Фэнтай — человек порядочный, если вдруг они заживут дружно, размеренно, ох, ты мне дай тогда пощечину!

Она повернулась ко второй госпоже щекой, та хихикнула. Потянув вторую госпожу за руку, Чэн Мэйсинь сказала:

— Просто дождись, когда Фэнтай окажется в тупике, его захлестнет отчаяние, само собой, он вернется. И вот тогда, невестка, прояви великодушие, прими этого ребенка. Фэнтай — человек понятливый, как может его не тронуть подобное участие с твоей стороны?

К каждой стороне Чэн Мэйсинь подобрала свой ключик, сказала Чэн Фэнтаю и второй госпоже то, чего они так жаждали услышать. Ей было все равно, кто кому покорится в этой семье. Но вот если удастся свергнуть Шан Сижую — разве могла она желать большего?

ГЛАВА 2

Автомобиль Чэн Фэнтая, на котором тот уже семь или восемь лет ездил из Шанхая в Бэйпин, на днях угодил в большую яму, и Чэн Фэнтай решил распрощаться с ним. Волей-неволей пришлось ему несколько дней разъезжать по городу на рикше с Шан Сижуюем, при этом поток жалоб, исходивший от него на дорогах, все не иссякал. Тогда Шан Сижуй пошел в банк, снял со счета кругленькую сумму и заказал автомобиль самой последней модели. Не прошло и двух дней после заказа автомобиля, как Ча-ча-эр поступила в частную школу для девочек — и снова расходы. Тут и Цзэн Айюй разродилась дочкой, о которой так страстно мечтал Чэн Фэнтай, и отступные для нее, само собой, вновь пришлось брать из кармана Шан Сижуюя. Меньше чем за месяц тот раздал сто с лишним тысяч юаней, потратив большую часть своих сбережений!

Шан Сижуй ничего не говорил, но душу его охватила неясная тоска. Чэн Фэнтай привык ни в чем себе не отказывать: что захочет, то и приобретет, и желаниям его не было ни конца ни края! Если так и пойдет, Шан Сижуй сам окажется в долгах как в шелках! Разумеется, действия Шан Сижуюя с деньгами не укрылись от взгляда Сяо Лай, та принялась ему жаловаться на Чэн Фэнтая у того за спиной,

и хозяин со служанкой первый раз разругались из-за денег. Никакие увещевания Сяо Лай были не в силах остановить того от разорения, и от жгучей ярости Сяо Лай едва не скрежетала зубами.

Родившейся у Цзэн Айюй девочке имя пока не дали, звали ее то малышкой, то крошкой. Цзэн Айюй грудью откормила ее месяц в больнице, а перед разлукой оставила на память о себе яшмовую подвеску, внутри камня красиво переливался узор в виде пера. Чэн Фэнтай кое-что понимал в антикварных украшениях, а потому сразу разглядел, что этот кусочек нефрита — вещь непростая, отнес его в собственный антикварный магазин на проверку. Старый антиквар долго изучал подвеску, а затем рассказал им историю семьи Цзэн из провинции Юньнань. Эта история ничем не отличалась от прочих таких же историй о разорившихся и распавшихся семьях и в то же время служила доказательством слов Цзэн Айюй — та не лгала. Наверняка сейчас она уже в дороге, возвращается в родные края с огромной суммой денег.

Шан Сижуй, заложив руки за спину, разглядывал коллекцию представленных в лавке украшений для головы, выполненных из перьев, когда до него донеслись слова старого антиквара:

— Этот кусочек яшмы... Если я не обознался, это частичка семейной реликвии Цзэн — яшмового феникса, да, его обломок. Поговаривают, он достался им из резиденции У Саньгуя¹ в Пинси. А несколько лет назад барышня из их семьи разбила по неосторожности реликвию, и вот тогда-то удача, сотни лет сопровождавшая семью Цзэн, разбилась вслед за ней. А где второй господин его отыскал?

¹ У Саньгуй (*кит.* 吳三桂) — китайский полководец, способствовавший падению династии Мин и воцарению династии Цин: во время крестьянского восстания 1644 года открыл маньчжурам ворота заставы Шаньхайгуань.

Будь у вас и другие кусочки яшмы, я смог бы собрать реликвию заново.

Чэн Фэнтай немедленно убрал кусочек яшмы за пазуху и проговорил с улыбкой:

— Да разве это ценная вещь! Это пресс-папье из приданого второй госпожи, его мой третий барчук разбил. Вы уж, почтенный, окажите мне услугу: если появится в вашей лавке яшма такого же качества, сделайте копию, и будет с меня.

Старый антиквар смиренно кивнул. Чэн Фэнтай с Шан Сижум вышли из лавки, и Чэн Фэнтай предупредил, чтобы тот ни в коем случае не распространялся об услышанном; Шан Сижуй, многое уже повидавший, пренебрежительно высказался:

— Да о таком и рассказывать кому-то неохота! Тоже мне, новость на весь мир! Ничего интересного!

Чэн Фэнтай снова вытащил кусочек яшмы, взглянул на него в солнечных лучах и проговорил:

— Так это, оказывается, перышко феникса. Тогда нет ничего удивительного в том, что судьба свела нас с этим ребенком. Шан-лаобань, мы назовем ее Фэнвэй¹.

Но поскольку жили они сейчас в Бэйпине, имя это в устах Шан Сижуйя стало звучать как Фэнъи — ладно и гладко. Вернувшись домой, они обнаружили Фэнъи спящей у кормилицы на руках. Шан Сижуй находил этого ребенка на редкость уродливым. Когда Чэн Фэнтай только принес девочку домой, он решил на нее взглянуть разок, все-таки столько денег за нее уплачено! А как взглянул, то в ужасе от увиденного уродства едва на землю не рухнул — это что еще за розовый комочек мяса со щелками вместо рта и глаз? И за дарма такого не нужно! А тут еще и потратиться пришлось!

¹ Фэнвэй (*кит.* 凤尾) — имя означает «перышко из хвоста феникса». В имени Чэн Фэнтая также присутствует иероглиф «феникс».

И вот до сих пор Шан Сижуй так и не разглядел в ней ничего привлекательного. Но все же мать ее была человеком с историей, а значит, и дочь свою сделала важной частью этой истории. И пока Шан Сижуй, позабыв обо всем, задумчиво рассматривал девочку, появился вдруг без приглашения Фань Лянь с подарками, едва войдя в двери, он заискивающе приветствовал Шан Сижую, однако взгляд его как упал на Фэнъи, так он и не в силах был от нее оторваться. Чэн Фэнтай заранее установил правило, что Фань Ляню не разрешается по своему желанию приходить к ребенку, однако тот, не выдерживая, много раз за этот месяц прибежал в больницу, на что Чэн Фэнтай смотрел сквозь пальцы. Сегодня же Фань Лянь появился на порог дома, и вот с этим Чэн Фэнтай не готов был мириться, приняв на редкость раздраженный вид, он спросил:

— И зачем пришел?

Насилу отведя взгляд от дочери, Фань Лянь сказал с улыбкой:

— Раз уж зять приехал к братцу Жую погостить, как можно не заглянуть к вам?

Чэн Фэнтай оставил его без внимания. Улучив момент, Фань Лянь подобрался к ребенку поближе и принялся с любовью его разглядывать.

Кормилица почувствовала себя неуютно под пристальным вниманием двоих взрослых мужчин и незаметно ущипнула малышку за ножку, отчего та мигом подняла дикий рев.

Чэн Фэнтай нахмурил брови:

— Фань Лянь! Катись-ка ты отсюда подальше! Ты своей обезьяньей мордой ребенка перепугал! Нянька! Скорее уноси Фэнъи к себе!

С плачущей девочкой на руках кормилица тут же убежала прочь. Фань Лянь хоть и бросил на него злобный взгляд, однако тайного ликования сдержать не смог:

— О! Так с именем определились уже! Назвали Фэнъи? Чэн Фэнъи? А что за два иероглифа в нем?

Шан Сижуй заметил:

— У отца и дочери одинаковые иероглифы, никакого воображения у этих шанхайцев!

Чэн Фэнтай намекнул Фань Ляню, что пора бы ему и честь знать:

— Есть еще ко мне дело? Если нет, так иди отсюда, нечего болтать попусту, на обед я гостей не жду.

Фань Лянь хлопнул в ладоши:

— Дело-то у меня есть, да только не к тебе! — Он подленько улыбнулся Шан Сижую: — Братец Жуй, на следующих выходных приглашаю тебя выступить на своем семейном торжестве, ты как, согласен или нет? Без твоего согласия я сегодня вечером отсюда не уйду!

Фань Лянь прекрасно знал, что Шан Сижуй не очень-то любил общение с театральными поклонниками, и уже готов был почтительно ожидать решения актера. Он и не думал, что Шан Сижуй, ни минуты не медля, спросит:

— Сколько выступить по времени? И какое вознаграждение?

Удивился не только Фань Лянь, но и Чэн Фэнтай, тот подумал даже, отчего этот актер сегодня такой радостный, ничуть не важничает. Шан Сижуй же продолжил:

— В знак нашей дружбы ставлю тебе цену две тысячи юаней.

Фань Лянь изумленно воскликнул:

— Братец Жуй! Обычно ты выступаешь на семейных торжествах за тысячу юаней, а тут вдруг по дружбе назвал мне цену в две?

Шан Сижуй кивнул:

— Сейчас объяснюсь: это потому все, что дружба наша на вес золота. Ты ведь рад?

Чэн Фэнтай расхохотался.